УДК 902
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-229-244

К вопросу о конструкции крыльца административно-жилого сооружения XVIII века в центральной части Умревинского острога

А. П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проводится реконструкция крыльца деревянного жилого сооружения в центральной части Умревинского острога, основанного в 1703 г. на р. Обь. Археологические исследования позволили выяснить, что эта постройка существовала до 60-х гг. XVIII в. Ранее было выдвинуто предложение, что она выполняла функции приказной или судной избы. Возведена на высоком подклете, который с одной стороны имел следы наличия свайно-столбчатой конструкции, представленной в виде нескольких ям для деревянных опор. Одна из столбовых ям находилась далеко за пределами этой конструкции, что позволяет предполагать наличие здесь столба-опоры для высокого крыльца. Натурная реконструкция крыльца позволила получить дополнительную аргументацию для гипотезы об административно-жилом предназначении данного сооружения. Принимая во внимание его ориентацию относительно розы ветров, предложенный вариант конструкции крыльца на столбе, наряду со столбчатым фундаментом сеней, имел наиболее благоприятную аэродинамику, обеспечивающую минимальное снегонакопление, что крайне актуально в местных климатических условиях.

Ключевые слова

Умревинский острог, административно-жилое сооружение, реконструкция крыльца на столбе, столбчатый фундамент сеней

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00150

Для цитирования

Бородовский А. П. К вопросу о конструкции крыльца административно-жилого сооружения XVIII века в центральной части Умревинского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 229–244. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-229-244

The Design of the Porch of an Administrative-Residential Building of the 18th Century in the Central Part of Umrevinsky Ostrog

A. P. Borodovsky

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article discusses the option of possible reconstruction of the residential facility porch in the central part of the Umrevinsky Ostrog (built in 1703). The archaeological studies of this object revealed that this structure had ex-

© А. П. Бородовский, 2020

isted prior to the 1760s. It had been assumed earlier that this wooden structure functioned as either a government or judicial office. Such an administrative building was constructed on top of a tall basement. On the one hand, it had traces of a pile-supported, columnar-lined structure based on the several holes for wooden supports. Such holes for piles were located in a rectangular shape next to one of the side ends of the main log-house on top of the basement. On the other hand, one of the pile holes was located far beyond this structure.

Results. It can be assumed that the pile hole beyond the structure points to a past support pile of a tall porch of the wooden building on top of the basement. The as-built reconstruction of the porch of such type allowed obtaining additional arguments to support a hypothesis regarding the administrative purpose of the residential facility located in the centre of Umrevinsky Ostrog.

Conclusion. Taking into account the government office orientation in relation to the wind diagram, the proposed option of the pile-supported porch structure along with the columnar-lined basement of the “seni” (mud room) has the most favourable aerodynamics ensuring minimal snow accumulation. These characteristics are extremely fitting given the Siberian climatic conditions.

Keywords

Umrevinsky Ostrog (fortress), administrative-residential building, reconstruction of the porch on the pillar, columnar foundation of the canopy

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project no. 18-09-00150

For citation

Borodovsky A. P. The Design of the Porch of an Administrative-Residential Building of the 18th Century in the Central Part of Umrevinsky Ostrog. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 229–244. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-229-244

Введение

В 2003–2004 гг. в центральной части Умревинского острога, основанного на Средней Оби в 1703 г. (рис. 1), были археологически исследованы остатки деревянной конструкции [Боро-довский, Горохов, 2009. С. 52–60]. До раскопок сооружение представляло всхолмление высотой до 0,7 м, размером 10 × 12 м. Раскопочные работы позволили выявить обугленную деревянную конструкцию из двух клеток в виде сруба в несколько венцов общим размером 7 × 10 м. Вытянутая планировка этого здания типична для избы-связи, распространенной в Сибири в первой половине XVIII в. [Липинская, 1996. С. 97; Скрыбина, 1997. С. 53; Шелегина, 1992. С. 46–51]. В центре сооружения, на высоком срубе опечка, находился обширный развал русской глиняной «белой» печи с трубой, имевшей колено из обожженных кирпичей. Со стороны обской протоки у основного сруба жилого сооружения располагались несколько столбовых ям. Они подлежали конструкции в виде еще одной клетки и крыльцу, пристроенному к основному сооружению. Общий размер этой части строения – 3 × 7 м.

С южной стороны бревенчатой стены сгоревшей деревянной конструкции были обнаружены многочисленные фрагменты пластин слюды различного размера, являвшихся прозрачной частью окон. Следует подчеркнуть, что использование слюдяных окон являлось традицией XVI–XVIII вв., когда признавались явные преимущества слюды перед стеклом при использовании его в оконных рамах [Флетчер, 1906. С. 15]. Московское царство являлось абсолютным лидером в поставках слюдяного сырья – «мусковита» – на внешний рынок [Курц, 1915. С. 104]. На Аляске – на дальней периферии Российской империи, слюда для оконных рам продолжала использоваться вплоть до первой четверти XIX в. [Загоскин, 1956]. Широкое употребление стекла для естественного освещения в сельских домах характерно для времени не ранее начала XIX в. [Бломквист, 1956. С. 122, 123], что стало возможным после существенного удешевления его производства по сравнению с заготовкой слюды. Из стеклянных изделий среди находок следует упомянуть фрагмент стаканчика с каемчатой позолотой. Производство такой посуды в массовом порядке было освоено в России во второй половине XVIII в. [Долгих, 1985].

Рис. 1. Расположение Умревинского острога: 1 – локализация; 2 – планиграфия

Fig. 1. Location of Umrevinsky Ostrog: 1 – localization; 2 – planigraphy

На пожарище обнаружены медные российские и сибирские монеты XVIII в. различных номиналов в количестве 31. Самые ранние из них относились к 1737 г., а самые поздние – к 1797 г. С первой половины и до начала 70-х гг. XVIII в. монеты представлены сериями по несколько экземпляров и различными номиналами, тогда как монеты от 70-х и до конца 90-х гг. XVIII в. в жилой конструкции были представлены лишь единичными экземплярами [Бородовский, Горохов, 2009. С. 187. Рис. 55]. Подобная нумизматическая выборка в целом соответствует периоду существования жилой конструкции. Монету («сибирка») 1797 г. можно рассматривать как реперную, скорее всего, соответствующую времени пожара. При этом сибирская монета, отчеканенная также на Сузунском монетном дворе в 1767 г., обнаруженная под деревянной конструкцией элитного детского погребения, сооруженного уже в слое пожарища жилой конструкции, относилась к культурному слою из руин избы [Там же. С. 69]. Указанное обстоятельство объяснялось тем, что именно в этом направлении после обрушения сгоревшей деревянной конструкции произошло наиболее значительное смещение ее культурного слоя с находками. В данной связи особенно любопытен документ Умревинской судной конторы из Государственного архива Новосибирской области о допросе 25 мая 1759 г. жительницы Умревинского острога, которая после «блудного воровства» тайком захоронила своего мертворожденного ребенка за пределами острога возле стены со стороны леса¹. Учитывая общую хронологию сохранившегося архива Умревинской судной конторы с 1755 по 1759 г., становится очевидным, что на площади самого острога погребения не совершались до начала 70-х гг. XVIII в. Однако процесс постепенного запустения острога отражен в других письменных источниках. По этим данным, к 1777 г. в нем осталось только 3 семьи церковнослужителей и 11 крестьянских семей [Миненко, 1990. С. 51]. Такие демографические показатели на заключительном этапе существования Умревинского острога вполне соотносимы с начальным периодом его освоения в 1703 г. (9 семей крестьян и 2 семьи оброчных людей) [Там же. С. 22].

По указанным результатам археологических исследований остатки этой конструкции интерпретированы как административно-жилое сооружение (приказная изба или судная контора) XVIII в.

Основанием для этого стал целый ряд признаков. Среди них – обособленное расположение в центральной части острога, наличие высокого подклета, дощатый пол жилища, присутствие совершенного для своего времени отопления («белая» печь с кирпичной трубой), наличие в сооружении слюдяных окон, находки целой серии металлических книжных застежек [Бородовский, Горохов, 2009. С. 59]. В качестве близкого по хронологии, сопроводительному инвентарю и предназначению к этому сооружению можно привести пример интерпретации приказной избы (дома приказчика) на площади Саянского острога, основанного в 1718 г. [Скобелев, 2001].

Общий внешний вид данного жилого сооружения Умревинского острога был воспроизведен графически с внутренним разрезом его планировки и конструкции с восточной, жилой, стороны [Бородовский, Горохов, 2009. С. 171. Рис. 39, 1]. Тем не менее дальнейшая реконструкция отдельных архитектурных деталей (например, входа) остатков сооружения продолжает оставаться крайне актуальной для дополнительной аргументации его статусной атрибуции, что и является целью настоящего исследования. Методической основой для рассмотрения вопроса об особенностях конструкции его крыльца является «архитектурный» подход к интерпретации руин, зафиксированных в ходе археологических исследований [Воронин, 1954, С. 42, 76]. Он заключается не только в детальном описании всех материальных остатков, но и в стремлении к их восстановлению в рамках единства конструктивно-технических приемов, архитектурно-композиционной формы и функционально-идейного содержания (назначения), в том числе в рамках историко-сравнительного анализа.

¹ ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

Анализ материалов и обсуждение

Исходя из указанных выше критериев, при археологических исследованиях этого жилого объекта были тщательно зафиксированы все его археологически сохранившиеся детали (рис. 2, 3). Они включали части нескольких деревянных срубов, развал и основание печи, а также столбовые ямы от свайных конструкций.

Особое значение для постановки вопроса о наличии у здания высокого крыльца имеет факт наличия остатков печи в этом доме. Ее остатки сосредоточены, главным образом, в восточном помещении избы, занимая более половины ее площади. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, для завала в восточную и южную стороны не имелось препятствий в виде стен, которые находились вплотную к печи с западной и северной сторон. Во-вторых, несмотря на укрепление опорного сруба с восточной стороны столбами-сваями, нагрузка на данный участок была столь велика, что концы столбов-свай изогнулись в северном направлении, т. е. образовался крен печи в северном и восточном направлениях, а затем и ее завал в эту сторону в процессе разрушения. В западном помещении избы находился сравнительно незначительный объем кирпичей и глины. По всей видимости, остатки конструкции печи попали сюда через дверной проем (см. рис. 3).

*Рис. 2 (фото). Вид раскопа в центральной части острога
(на заднем плане на месте отработанного раскопа присутствует натурная реконструкция
угловой юго-западной башни)*

*Fig. 2 (photo). View of the excavation in the central part of the Ostrog
(in the background, at the place of the excavation, there is a full-scale reconstruction of the corner south-west tower)*

Рис. 3. Развал «белой» печи и расположение столбовых опор на западном фасаде сооружения в центральной части острога

Fig. 3. The collapsed “white” furnace and the location of the pillar supports on the western facade of the building in the central part of the Ostrog

Следует подчеркнуть, что развал печи является одним из археологических признаков деревянных построек повышенной этажности, к которым можно отнести и высокое крыльцо [Коваль, 2010. С. 84–86]. Тем не менее присутствие печи на верхнем ярусе жилого деревянного сооружения, а затем наличие ее развала в заполнении котлована жилища, не всегда являются однозначными критериями высотности этой конструкции [Там же. С. 98]. Но в данном случае ситуация является более определенной. Так, основание печи («опечек»), стоявшее на слое глиняной подсыпки, выполнявшей функции гидроизоляции [Бломквист, Галицкая, 1967. С. 134], сохранилось практически полностью на своем первоначальном месте. Уцелело пять венцов в срубе опечка, где диаметр бревен достигал 20 см, а общий размер сооружения составлял $3,4 \times 3$ м. Это вполне соответствовало высоте общего подклета сруба избы. По данным этнографии, в лесостепной зоне Западной Сибири были распространены избы на подклете в 4–6 венцов [Шелегина, 1992. С. 62–63]. Дополнительным репером высоты утраченного подклета сгоревшего дома Умревинского острога является компактное расположение ряда из семи свай с восточной стороны опечка. Диаметр свай составлял до 20 см, а высота более 50 см. По этнографическим данным, в деревянных русских избах Западной Сибири опечек представлял собой платформу на столбах, возвышающуюся над полом на 0,7–1 м [Скрябина, 1997. С. 57]. Один ряд свай у опечка в избе Умревинского острога предназначался для поддержки веса наиболее массивной части «белой» печи (печного колена – «борова», и ее устья). Следует подчеркнуть, что ориентация устья в противоположную сторону от входа в избу является одной из характерных черт северно-среднерусской планировки [Бломквист, Галицкая, 1967. С. 139].

На этом же участке первоначально располагалась и высокая кирпичная труба с коленом. На части ее кирпичей сохранились следы побелки. Такой оформительский элемент для деревянных изб XVIII – начала XIX в. был статусным. В качестве примера можно процитировать фрагмент сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина: «Перед ним изба со светелкой, с кирпичной беленою трубою» [Пушкин, 2016. С. 10]. Наличие «белой» русской печи на подклете известно по письменным источникам для горницы дома приказчика Чаусского острога [Миненко, 1990. С. 25; Шелегина, 1992. С. 62–63]. В этой связи наличие ряда сохранившихся в натуральную величину свай у опечка является крайне важной характеристикой для представления о высоте подклета сгоревшего деревянного здания. Углубление для земляного погребка под срубом избы отсутствовало, поскольку такую функцию выполнял сам подклет.

С западной стороны сгоревшего сруба на уровне условной материковой поверхности были также обнаружены семь углублений от свай («медведок», или «надолбов») [Очерки..., 1985. С. 320; Албазинский острог..., 2019. С. 134, 136]. Диаметр этих округлых ям составлял уже от 30 до 40 см, а глубина от условной материковой поверхности – 20–30 см. Общие размеры основания данного свайно-столбчатого сооружения 3×7 м. При этом одна из столбовых ям, находящаяся далеко за пределами основного ряда свай, могла быть использована для установки опорного столба высокого крыльца (см. рис. 3). В таком случае вторая западная малая клеть сооружения не только примыкала к высокому крыльцу, опиравшемуся на один столб, но и сама большей своей частью покоилась на нескольких сваях. Соответственно, вход в избу находился со стороны Обской протоки.

Принимая во внимание ориентацию (З–В) длинной оси руин сгоревшей избы относительно розы ветров, предложенный вариант конструкции крыльца, наряду со столбчатым фундаментом сеней, имеет благоприятную аэродинамику. Такое расположение входа также обеспечивало минимальное снегонакопление. Последнее обстоятельство вместе с наличием высоких подклетов у изб с высоким крыльцом было крайне актуальным в условиях местных снежных зим и весенней распутицы [Бломквист, Галицкая, 1967. С. 134]. В контексте комфортного уровня теплоотдачи той части жилого сооружения, где располагался вход, такой тип крыльца способствовал сохранению тепла в сенях [Бломквист, 1956. С. 126].

Необходимо подчеркнуть, что общая планиграфия избы на высоком подклете из Умревинского острога имеет явное сходство с северным типом срубных русских жилищ [Бломквист, Галицкая, 1967. С. 134]. Для XVII–XVIII вв. подклет стал не только широко распространенной конструкцией деревянной архитектуры [Очерки..., 1985], но и проник даже в сибирское каменное зодчество [Кириллов, 1974. С. 60, 61].

Характерным примером такого общественного здания раннепетровского времени, спроектированного и построенного С. У. Ремезовым, является казенная палата (позднее рентерея), расположенная над Дмитриевскими воротами Тобольского каменного кремля. Прежде всего в этом здании отражено типичное для архитектуры общественных зданий того времени стремление к линейной схеме всего сооружения. В качестве одного из примеров можно привести деревянный дом Петра I, возведенный в 1702 г. на острове Маркове в устье Северной Двины. Для общей конструкции каменной казенной палаты в Тобольске также достаточно четко представлен и такой архитектурный элемент, как подклет, восходящий еще к деревянным сооружениям. Наличие подклета было представлено и в проекте строительства каменной Тобольской Приказной палаты. Не менее важно то обстоятельство, что в ее помещение можно было попасть лишь с торцов, где располагались высокие крыльца. Аналогичная планировка относительно расположения крыльца отражена на плане 1703 г. воеводской избы Илимского острога [Кочедамов, 1978. С. 44]. Указанные признаки сближают их с сооружением, изученным в центральной части Умревинского острога. Все эти архитектурные элементы восходили еще к древнерусским архитектурным традициям деревянного зодчества, по-новому истолкованным в Петровское время [Кириллов, 1974. С. 60, 61. Рис. 27].

Но в последующем для общественно-административных сооружений XVIII в. наиболее типичным являлось расположение крыльца сбоку наиболее протяженной стены. Примерами этого являются реконструкция избы-казармы Казымского острога [Крадин, 1988] и дома земского управителя в Колывано-Воскресенском горном округе [Шелегина, 1992. Рис. 3].

Следует подчеркнуть, что для деревянных изб на высоком подклете Русского Севера (Архангельская и Вологодская губернии) было характерно наличие различных типов крыльца на столбах [Забелло и др., 1942. С. 30]. Такое крыльцо выносилось за стены дома и служило его украшением. Вертикальной опорой выносного сооружения были деревянные бревна-столбы, поддерживавшие его лестницу, крышу и верхнюю площадку. В зависимости от количества опор крыльцо могли называть одностолпным, двустолпным, четырехстолпным [Забелло и др., 1942. С. 30; Ащепков, 1950; Бломквист, 1956. С. 126]. Учитывая наличие у западного торца избы Умревинского острога одной из столбовых ям, достаточно далеко вынесенной за общий ряд других таких углублений (см. рис. 3), можно предположить наличие высокого крыльца на одном опорном столбе [Бломквист, 1956. С. 126, 127. Рис. 17 (2)]. Площадка высокого крыльца одной стороной могла опираться на центральный деревянный столб, а противоположной быть связанной с западной стеной сеней. Одной из особенностей такого варианта конструкции является высокая концентрация нагрузок от собственного веса и крыльца на столбчатый фундамент сеней. Предварительные расчеты по фундаменту для этой клетки и столбчатого крыльца подтвердили, что грунты, залегающие в районе Умревинского острога, обеспечивали несущую способность такой конструкции [Районы..., 1996. С. 327].

Крыльцо на столбе в западной, торцевой, части сооружения Умревинского острога могло быть двух разновидностей [Забелло и др., 1942. С. 30; Бломквист, 1956. С. 126, 127. Рис. 17 (2)]. Одно из них являлось открытым, тогда как другой его вариант уже мог иметь кровлю (см. рис. 4). В этом случае навес над лестницей такого крыльца одной стороной мог опираться на два отдельно стоящих столба, а его противоположная сторона была соединена с западной стеной сеней. Подобное техническое решение широко применялось в постройках изучаемого периода, имевших типологическую и конструктивную общность с объектом исследования.

Рис. 4 (фото). Реконструкция крыльца столбчатого типа на западном фасаде сооружения в центральной части острога (без масштаба)

Fig. 4 (photo). Reconstruction of the columnar-type porch on the western facade of the building in the central part of the Ostrog (without scale)

Рис. 5 (фото). Амбар на подклете в с. Умрева Мошковского района Новосибирской области (без масштаба)

Fig. 5 (photo). Barn on a basement in the village of Umreva, Moshkovsky District, Novosibirsk Region (without scale)

В дополнение к этим архитектурным данным следует привести и этнографическую аргументацию. По письменным источникам начала XVIII в. (Томская книга пришлых людей, составленная А. Кругликовым в 1705–1707 гг.), однозначно прослеживается северорусское происхождение части первопоселенцев Умревинского острога [Шунков, 1956. С. 65–67]. Этот факт имеет существенное значение для корректного использования аналогий с традиционным деревянным домовым зодчеством Русского Севера. Не менее важно, что среди хозяйственных построек (амбаров) прошлого века в современном с. Умрева до сих пор сохраняются сооружения на высоком подклете – «подзыбице» (рис. 5). Эти конструкции также восходят к домостроительным традициям Русского Севера XVII – начала XVIII в. [Йогансен, Кирпичников, 1974. С. 31], которые сохранялись вплоть до второй половины XIX – начала XX в. [Бломквист, Галицкая, 1967. С. 134].

В целом, с опорой на комплекс полученных данных, окончательная реконструкция крыльца сооружения Умревинского острога была выполнена на двух уровнях – виртуальном (электронном) и натурном (рис. 4, 6, 7).

Электронная версия основана на приведенных выше этнографических аналогиях (см. рис. 4). Одной из основных трудностей ее создания являлось существенное отличие системы мер XVIII в. [Шостьин, 1975. С. 256] от современных. В итоге в используемой программе была применена современная метрическая система. Однако перед началом работ вводились горизонтальная и вертикальная вспомогательные размерные сетки по системе сажень – аршин – вершок в соотношении 1 : 3 : 16. При этом учитывалась возможность бытования в XVIII в. различных стандартов мер длины, например, существование «указного» аршина (71,776 см) царя Алексея Михайловича и аршина петровского времени (71,12 см). В целом это позволило

корректно использовать имеющиеся археологические данные для создания электронной модели крыльца и западного фасада всего здания в центральной части Умревинского острога. Тем самым были минимизированы ошибки при пересчете реальных размеров из метрической системы в традиционную русскую систему мер. Это существенно упростило решение задач по сопряжению различных архитектурных деталей сооружения (см. рис. 4).

Натурная реконструкция высокого крыльца на одном опорном столбе с кронштейном-перекладиной жилого сооружения была осуществлена в 2019 г. при реализации проекта исторического парка «Перекрестки истории» на территории Заельцовского парка г. Новосибирска (см. рис. 6, 7). Работы осуществлялись плотниками из сел Умрева и Ташара Мошковского района под руководством Д. С. Азарова по проекту Д. Н. Ошейко (ООО «Контур», по заказу АНО «СИБПАТРИОТЦЕНТР»). Научным консультантом работ по восстановлению избы являлся автор статьи.

Рис. 6 (фото). Натурная реконструкция западного фасада сооружения в центральной части Умревинского острога (без масштаба):

- 1 – западная клеть на свайных опорах и крыльцо на столбе;*
- 2 – столб-опора крыльца на кронштейне;*
- 3 – открытое крыльцо на одном столбе*

Fig. 6 (photo). Full-scale reconstruction of the western facade of the building in the central part of the Umrevinsky Ostrog (without scale):

- 1 – western cage on pile supports and porch on a pillar;*
- 2 – pillar-support of the porch on the bracket; 3 – open porch on one pillar*

Рис. 7 (фото). Натурная реконструкция крыльца столбчатого типа на западном фасаде сооружения в центральной части Умревинского острога (без масштаба):

1 – крыльцо открытого типа; 2 – крыльцо крытого типа

Fig. 7 (photo). Full-scale reconstruction of a columnar-type porch on the western facade of the building in the central part of Umrevinsky Ostrog (without scale):

1 – open porch; 2 – covered porch

Следует отметить, что весь цикл обработки древесины для сооружения натурной копии избы осуществлялся вручную при активном использовании опыта традиционной деревообработки старожилов Мошковского района. Работы по заготовке и вывозу древесины начались в марте. В течение лета и осени был изготовлен, перевезен и установлен сруб самой избы. Изготовление высокого крыльца на одном столбе стало заключительным этапом создания копии постройки административно-жилого назначения, археологически изученной в центральной части Умревинского острога.

В качестве отдаленного аналога ей можно привести упомянутый бревенчатый дом Петра I 1702 г. на острове Маркове в устье Северной Двины. В настоящее время это сооружение является экспонатом Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника в с. Коломенское. Сохранившийся дом несколько приземист, поскольку подклет в настоящее время у него отсутствует. Однако его первый вариант, вполне вероятно, имел высокий подпол, образованный двумя нижними венцами, срубленными из особенно толстых бревен. Оригинальное крыльцо также не сохранилось, но в ходе реставрационных работ XX в. оно было воспроизведено как

крытое на одностолпной опоре с кронштейном. В отличие от этого новодельного архитектурного элемента натурная реконструкция высокого одностолбового крыльца сооружения из Умревинского острога была детально обоснована результатами археологических исследований его исходного прототипа.

Заключение

Аргументируя гипотезу о наличии высокого крыльца на столбе у деревянного сооружения, расположенного в центральной части Умревинского острога, следует заметить, что для этой постройки начала XVIII в. характерно наличие свайно-столбчатой конструкции. Такая строительная традиция отчетливо представлена в русском деревянном зодчестве в Сибири и на Дальнем Востоке на рубеже XVII–XVIII вв. [Копылова, 1978. С. 303; Черная, 2002. С. 136, Албазинский острог..., 2019. С. 134. Рис. 2.2.14; С. 136. Рис. 2.2.18]. В ходе археологических исследований подобные конструкции были неоднократно выявлены и в Умревинском остроге (на примере опор помостов вдоль полностью раскопанных западной и южной тыновых стен, а также ленточно-столбчатых фундаментов юго-западной и юго-восточной башен).

Однако крыльцо со значительно поднятой над землей площадкой и навесом, которые опираются на столбы, прослеживается в раскопах весьма редко [Засурцев, 1963. С. 44]. Более того, на археологизированных жилых и иных объектах сам факт существования высокого крыльца не всегда очевиден и доказуем [Там же. С. 22]. В архитектурном отношении в деревянном зодчестве – это сложный тип сооружения [Ащепков, 1950. С. 24, 25; Бломквист, 1956. С. 126]. Тем не менее для деревянных сооружений особого статуса наличие высокого крыльца, безусловно, являлось одним из важных признаков [Черная, 2014. С. 134]. Поэтому следы такого архитектурного элемента можно рассматривать в качестве еще одного дополнительного признака административного статуса сооружения (приказной избы, судной конторы?), изученного в центральной части Умревинского острога.

В целом наличие высоких крылец на одиночных опорных столбах у торцевых сторон зданий с общественно-административной функцией относится еще к традициям предшествующей эпохи Московского царства, широко представленной на территории Сибири именно в острогах. В изучаемый период (с конца XVII в. и по второе десятилетие XVIII в.) в деревянном зодчестве Сибири наряду с фактами модернизации европейского типа еще отчетливо фиксировались архаичные черты.

Список литературы

- Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
- Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 150 с.
- Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. 300 с.
- Бломквист Е. Э., Галицкая О. А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967. 368 с.
- Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 242 с.
- Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. 1954. № 19. С. 41–76.
- Долгих Е. В. Русское стекло XVIII в. Собрание государственного музея керамики и «усадьбы Кусково XVIII в.». М.: Искусство, 1985. 206 с.

- Забелло С., Иванов В., Максимов П.** Русское деревянное зодчество. М.: Гос. архитект. изд-во АН архитектуры СССР, 1942. 214 с.
- Загоскин Л. А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке 1842–1844 гг. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956. 448 с.
- Засурцев П. И.** Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. № 123: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165.
- Иогансен М. В., Кирпичников А. Н.** «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым архивным материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М.: Наука, 1974. С. 27–52.
- Кириллов В. В.** Ансамбль Тобольского кремля (опыт создания общегородского публичного центра раннепетровского времени) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М.: Наука, 1974. С. 53–67.
- Коваль В. Ю.** Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // Археология Подмоскovie. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. Вып. 6. С. 84–98.
- Копылова С. В.** Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири (конец XVII – XVIII в.) // Города Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 285–321.
- Кочедамов В. И.** Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
- Крадин Н. П.** Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
- Курц Б. К.** Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. 624 с.
- Липинская В. А.** Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.
- Миненко Н. А.** По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 184 с.
- Очерки русской культуры XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1985. Ч. 1. 384 с.
- Пушкин А. С.** Сказка о рыбаке и рыбке. М.: Омега, 2016. 64 с.
- Районы и города Новосибирской области: Природно-экономический справочник. Новосибирск: Кн. изд-во, 1996. 519 с.
- Скобелев С. Г.** Результаты и проблемы реконструкции внешнего вида Саянского острога // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: [б. и.], 2001. С. 116–121.
- Скрябина Л. А.** Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). Кемерово: [Б. и.], 1997. 130 с.
- Флетчер Д.** О государстве Русском. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1906. 165 с.
- Черная М. П.** Томский Кремль середины XVII – XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.
- Черная М. П.** Возможности реконструкции высотных деревянных построек в археологии (методический комментарий) // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 382. С. 133–139.
- Шелегина О. Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 251 с.
- Шостын Н. А.** Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. М.: Изд-во стандартов, 1975. 272 с.
- Шунков В. И.** Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

Список источников

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. 369 с.

References

- Albazinskii ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [Albazin ostrog: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, 348 p. (in Russ.)
- Ashchepkov E. A.** Russkoe derevyannoe zodchestvo [Russian wooden architecture]. Moscow, State Publ. House of Architecture and Urban Planning, 1950, 150 p. (in Russ.)
- Blomkvist E. E.** Krest'yanskije postroiki russkikh, ukrainsev i belorusov (poseleniya, zhilishcha i khozyajstvennyye stroeniya) [Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and farm buildings)]. In: Vostochnoslavjanskij etnograficheskij sbornik [East Slavic ethnographic collection]. Moscow, AS USSR Publ., 1956, vol. 31, 300 p. (in Russ.)
- Blomkvist E. E., Galitskaya O. A.** Tipy russkogo krest'yanskogo zhilishcha serediny XIX – nachala XX v. Russkie. Istoriko-etnograficheskij atlas [Types of Russian peasant dwelling in the middle of the 19th – beginning of the 20th Century Russians. Historical and Ethnographic Atlas]. Moscow, Nauka, 1967, 368 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** Umrevinskij ostrog (arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.) [Umrevinsky prison (archaeological research 2002–2009)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 242 p. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** Tomskij Kreml' serediny XVII–XVIII v.: problemy rekonstruktsii i istoricheskoi interpretatsii [Tomsk Kremlin, mid 17th – 18th centuries: problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 2002, 187 p. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** Vozmozhnosti rekonstruktsii vysotnykh derevyannykh postroek v arkheologii (metodicheskii kommentarii) [Possibilities of reconstruction of high-rise wooden buildings in archeology (methodological commentary)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2014, no. 382, p. 133–139. (in Russ.)
- Dolgikh E. V.** Russkoe steklo XVIII v. Sbranie gosudarstvennogo muzeya keramiki i “usad’by Kuskovo XVIII v.” [Russian glass of the 18th century Collection of the State Museum of Ceramics and the “Kuskovo Estate of the 18th Century”]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 206 p. (in Russ.)
- Fletcher D.** O gosudarstve russkom [About the Russian State]. St. Petersburg, A. S. Suvorin' Ty-pography Publ., 1906, 165 p. (in Russ.)
- Iogansen M. V., Kirpichnikov A. N.** “Petrovskij Shlissel’burg” (po novootkrytym arkhivnym materialam) [Petrovsky Shlisselburg (based on newly discovered archival materials)]. In: Russkoe iskusstvo pervoi chetverti XVIII veka. Materialy i issledovaniya [Russian art of the first quarter of the 18th Century. Materials and research]. Moscow, Nauka, 1974, p. 27–52. (in Russ.)
- Kirillov V. V.** Ansambl' Tobol'skogo kremlya (Opyt sozdaniya obshchegorodskogo publichnogo tsentra rannepetrovskogo vremeni) [Ensemble of the Tobolsk Kremlin (Experience in creating a city-wide public centre of the early Peter the Great era)]. In: Russkoe iskusstvo pervoi chetverti XVIII veka. Materialy i issledovaniya [Russian art of the first quarter of the 18th Century. Materials and research]. Moscow, Nauka, 1974, p. 53–67. (in Russ.)
- Kochedamov V. I.** Pervye russkie goroda Sibiri [The first Russian cities of Siberia]. Moscow, Stroizdat Publ., 1978, 190 p. (in Russ.)
- Kopylova S. V.** Nekotorye voprosy organizatsii i tekhniki kamennogo stroitel'stva v Sibiri (konets XVII–XVIII v.) [Some issues of organization and technology of stone construction in Siberia (end of the 17th – 18th centuries)]. In: Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1978, p. 285–321. (in Russ.)
- Koval V. Yu.** Ob arkheologicheskoi interpretatsii dvukhetazhnykh postroek srednevekovoi Rusi (kriticheskie zametki) [On the archaeological interpretation of two-story buildings of medieval Russia (critical notes)]. In: Arkheologiya Podmoskov'ya [Archeology of the Moscow Region]. Moscow, IA RAS Publ., 2010, iss. 6, p. 84–98. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian wooden defence architecture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, 142 p. (in Russ.)

- Kurts B. K.** Sochinenie Kil'burgera o russkoi trgovle v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [Kilburger's work on Russian trade during the reign of Alexei Mikhailovich]. Kiev, I. I. Chokolov's Typography Publ., 1915, 624 p. (in Russ.)
- Lipinskaya V. A.** Starozhily i pereselentsy: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka [Old-timers and immigrants: Russians in Altai. 18th – beginning of 20th centuries]. Moscow, Nauka, 1996, 269 p. (in Russ.)
- Minenko N. A.** Po staromu Moskovskomu traktu [On the old Moscow highway]. Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ. House, 1990, 184 p. (in Russ.)
- Ocherki russkoi kul'tury XVIII v. [Essays on Russian Culture of the 18th Century]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1985, part 1, 384 p. (in Russ.)
- Pushkin A. S.** Skazka o rybake i rybke [The Tale of the Fisherman and the Fish]. Moscow, Omega Publ., 2016, 64 p. (in Russ.)
- Raiony i goroda Novosibirskoi oblasti: Prirodno-Ekonomicheskii spravochnik [Districts and Cities of the Novosibirsk Region: Natural-Economic Directory]. Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 1996, 519 p. (in Russ.)
- Shelegina O. N.** Ocherki material'noi kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoi Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia (18th – first half of the 19th Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 251 p. (in Russ.)
- Shostin N. A.** Ocherki istorii russkoi metrologii XI–XIX vv. [Essays on the history of Russian metrology of the 11th – 19th centuries]. Moscow, Standards Publ., 1975, 272 p. (in Russ.)
- Shunkov V. I.** Ocherki po istorii zemledeliya v Sibiri (XVII vek) [Essays on the history of agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, AS USSR Publ., 1956, 432 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Rezul'taty i problemy rekonstruktsii vneshnego vida Sayanskogo ostroga [Results and problems of the reconstruction of the appearance of the Sayan prison]. In: Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of archaeological and ethnographic research]. Nalchik, Omsk, 2001, p. 116–121 (in Russ.)
- Skryabina L. A.** Russkie Pritom'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.) [Russian Pritomye. Historical and ethnographic essays (17th – beginning of 20th century)]. Kemerovo, 1997, 130 p. (in Russ.)
- Voronin N. N.** Arkhitekturnyi pamyatnik kak istoricheskii istochnik [Architectural monument as a historical source]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archaeology], 1954, no. 19, p. 41–76. (in Russ.)
- Zabello S., Ivanov V., Maksimov P.** Russkoe derevyannoe zodchestvo [Russian wooden architecture]. Moscow, State Architectural Publ. House of the Academy of Architecture of the USSR, 1942, 214 p. (in Russ.)
- Zagoskin L. A.** Puteshestviya i issledovaniya leitenanta Lavrentiya Zagoskina v Russkoi Amerike 1842–1844 gg. [Travels and researches of Lieutenant Lawrence Zagoskin in Russian America 1842–1844]. Moscow, State Publ. House of Geographical Literature, 1956, 448 p. (in Russ.)
- Zasurtsev P. I.** Usad'by i postroiки drevnego Novgoroda [Manors and buildings of ancient Novgorod]. In: Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, no. 123: Dwellings of Ancient Novgorod, p. 5–165. (in Russ.)

List of Sources

Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State Archives of the Novosibirsk Region]. F. 107. In. 1. R. 1. 369 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

09.04.2020

Сведения об авторе

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

altaicenter2011@gmail.com

ORCID 0000-0002-6312-1024

Information about the Author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

altaicenter2011@gmail.com

ORCID 0000-0002-6312-1024